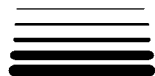
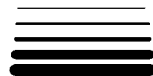

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Культура и цивилизация

**БУДДИЗМ И ПРАВОСЛАВИЕ
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ:
ИСТОКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ***

М.С. УЛАНОВ

Социокультурное пространство России исторически формировалось как поликонфессиональное, полиэтничное, поликультурное образование, важной особенностью которого является его веками складывавшийся евразийский характер.

Евразийство в последние годы стало едва ли не самым употребляемым термином, которым наша общественность определяет российскую культурную идентичность. Под евразийством понимают как направление в русской философской мысли, так и конкретный геополитический проект. Этим понятием утверждается одновременно и российская непохожесть на Европу, и многообразие российских культурных традиций, и близость восточному менталитету. Евразийство сегодня выступает и как вариант национальной идеи, которая, будучи социальным мифом, выполняет важную роль в жизни общества. Можно рассматривать евразийство и в качестве определенной парадигмы понимания России, некоего концептуального образа ее социокультурного пространства, предполагающего, что Россия есть синтез западного и восточного начал.

Россия всегда была самобытным социокультурным пространством, находящимся между Востоком и Западом, страной, соединяющей в себе славянский фундамент с весомым «туранским» (тюрко-монгольским) элементом. Культурная система Евразии вобрала в себя целый ряд пластов: славянский, варяжский, византийский, татарский, европейский. Однако ее ядро составляют славянский и «туранский» компоненты, переплетающиеся и проникающие друг в друга. Это находит выражение в «материковом размахе», степной символике, эстетике бескрайнего простора и «широты». Конечно, «туранская» составляющая предполагаемой евразийской идентичности не

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ по теме «Буддизм в транскультурном пространстве Юга России», № 804.

сводится к собственно этническим характеристикам, которые сами по себе еще не дают достаточного основания для цивилизационного самоопределения. Только осмысление общности исторических судеб и напряженное освоение прошлого и настоящего духовного опыта могут выявить его цивилизационную сущность¹.

Буддизм и православие имеют долгую историю взаимоотношений в евразийском пространстве России. К тому же известно, что тюрко-монгольские народы имели опыт мирного сосуществования буддизма с христианством несторианского толка, которое оставило свой след в их культуре и менталитете.

Несмотря на христианизацию XVIII – XIX вв., на бытовом уровне между представителями буддизма и православия всегда проявлялись комплиментарность и толерантность, которые обнаруживались, например, в близком сосуществовании храмов обеих религий, доброжелательных личных взаимоотношениях между духовенством и мирянами этих конфессий. В домах калмыков и бурят, особенно крещенных, часто соседствовали буддийские и православные предметы культа, а буддийская вера причудливо соединялась с элементами христианства. Также и русское население уважительно относилось к святым местам буддистов. Пользовалась популярностью среди русских, проживавших в Забайкалье, тибетская медицина. Толерантность между православными и буддистами проявлялась и в том, что многие калмыки и буряты, являясь буддистами, нередко посещали православные храмы или часовни, сохраняя при этом приверженность своей традиционной вере.

Следует отметить, что православные миссионеры внесли определенный вклад в изучение буддизма. В ряде трудов можно наблюдать достаточно высокий уровень полемики и анализа, неплохое знание общих принципов буддизма, его истории и религиозной литературы, искреннее желание постигнуть его смысл и найти близкие стороны. Так, в частности, перу архиепископа Нила (Исаковича) принадлежит работа «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири». Книга охватывает довольно значительный круг вопросов. В ней, наряду с информацией о космологии, морали, обрядности, содержатся сведения об истории бурятского буддизма, его соперничестве с древними шаманскими верованиями. «Странен и груб буддийский эмпиризм, — пишет автор, — но он запечатлен печатью веков, он выдерживал суд бесконечного ряда поколений. Ему в тысяче случаев воздавалась дань уважения, особенно воздается дань благодарности от тех племен, кои, быв рассеяны в пространстве от Тибета до Сибири, от берегов Ганга до Лены, видят в лице браминов и лам своих целителей»².

Влияние православия на культуру буддийских народов нашло более яркое выражение в архитектуре культовых сооружений. Так, например, в буддистском зодчестве Калмыкии нашли свое отраже-

ние русские архитектурные традиции. Особенно следует выделить Хошеутовский хурул — наиболее яркое выражение евразийской ментальности калмыков. Храм был построен в честь победы Российской империи в Отечественной войне 1812 г. Это было величественное здание, расположенное на высоком берегу Волги, на территории современной Астраханской области, в 1960-е гг. частично разобранное. Хошеутовский хурул причудливо сочетал в себе элементы монгольской и русской культовой архитектуры. При его проектировании был использован план петербургского Казанского собора, который во многом напоминает родовой знак нойонов Хошеутовского улуса. Колоннады, расположившиеся полукругом, также подчеркивали сходство с Казанским собором, хотя и отличались обилием буддийского декора. Под влиянием русской церковной архитектуры строились и другие калмыцкие храмы, что объясняется как спецификой материалов, так и характерным для калмыцкого зодчества привлечением русских мастеров и даже архитекторов из астраханского Управления калмыцким народом. Конструкции многих хурулов имели архитектурные решения, шедшие от крестово-купольной архитектуры православных церквей. При этом купола с крестами заменялись традиционной буддийской символикой. Под влиянием архитектуры русских церквей, по-видимому, родилась и центрическая, устремленная ввысь композиция калмыцких хурулов, в то время как для монгольских храмов характерна горизонтальная протяженность силуэтов. В дореволюционной Бурятии большинство дацанов также строились русскими мастерами, поскольку буряты долгое время не умели возводить стационарные храмы. В результате многие бурятские дацаны напоминали пятиглавые, трехглавые и одноглавые русские церкви. Восточный колорит им придавался за счет видоизменения конструкций крыши, башенок и кровли.

В ходе истории взаимоотношения буддизма и русского православия были и случаи сотрудничества. Так, во время боксерского восстания в Китае, когда все постройки Русской духовной миссии были стерты восставшими с лица земли, ее глава архиепископ Иннокентий нашел приют в расположенном поблизости от Северного подворья буддийском (ламаистском) монастыре Юнхэгун, одна из кумирен которого была превращена в православную церковь. Буддийские монахи отвели ему императорские апартаменты. Сюда же стали стекаться и уцелевшие семьи китайцев-христиан. По словам очевидцев, в те дни владыка Иннокентий спас буддийскую святыню Юнхэгун от разграбления, преградив дорогу в монастырь отряду германских войск. «Я глава Российской духовной миссии, — обратился он к офицерам, — монахи ламаистские дали мне приют. Я вас в монастырь не пушу». Немецким войскам ничего не оставалось, как продолжить путь в польский квартал, мимо монастыря Юнхэгун³.

В современный период буддийское духовенство постоянно подчеркивает необходимость тесного взаимодействия и сотрудничества с Русской православной церковью по всем важным проблемам общественно-политической и культурной жизни региона, поддерживая, в частности, позицию православного духовенства по отношению к новым, нетрадиционным для социокультурного пространства России сектам восточного и западного происхождения.

Особенно в этом плане можно выделить Калмыкию, где отношения между буддийскими и православными иерархами традиционно очень теплые. Так, например, бывший архиепископ Элистинский и Калмыцкий Зосима дважды посещал Его Святейшество Далай-ламу в Индии, где оба пастыря подолгу беседовали. Делясь своими впечатлениями о встречах с Далай-ламой, владыка Зосима отмечал следующее: «Это человек не простой, глубокой духовности и смиренности. В нем есть все то, о чем мы читаем в жизнеописаниях наших православных святых, особенно пустынных первых веков. Меня поражают его скромность и терпение, в нем абсолютно отсутствует, как бы сказать, комплекс начальника, в любой момент готового осадить того, кто ниже по своему положению. Далай-лама человек совершенного беззлобия. Тому свидетельством — открытая детская улыбка, почти не сходящая у него с лица»⁴.

Вообще необходимо отметить, что одной из причин гармоничного включения буддизма в социокультурное пространство России было его определенное сходство с православием, как на внешнем (институционально-культовом), так и на внутреннем (религиозно-философском) уровнях. Близость на внешнем уровне проявляется в существовании таких общих явлений, как институт монашества, культ икон, практика подношения свечей и т.д. На религиозно-философском уровне сходство можно обнаружить в принципе триединства божества, отсутствии непреодолимого барьера между человеком и абсолютном, наличии негативного подхода к определению абсолюта (так называемой апофатики), существовании схожих практик созерцания. В современной религиозноведческой литературе существует мнение об антагонистичности буддизма христианскому мироощущению. Эта точка зрения обосновывается обычно ссылкой на то, что в буддизме якобы отрицаются такие ключевые для христианства категории, как душа и Бог. Данный вывод делается на основе анализа понятий анатмана и будды.

В действительности концепция анатмана («не-я») является выражением понимания проблемы истинно-сущего. Она никоим образом не отрицает условное существование души-сознания, и не является основанием для утверждения более фундаментального статуса тела по сравнению с сознанием. Хотя, с точки зрения абсолютной истины, нельзя говорить об истинном существовании некой независимой

субстанциализированной души (равно как и тела) на относительном уровне, согласно буддизму, душа как некий субъект перерождения — несравненно более устойчивый феномен, чем тело.

Что касается отрицания буддизмом Бога-творца, то в Лотосовой сутре есть прямое обращение Будды к людям в качестве Отца:

Я говорю тебе, Шарипутра,
Все люди — чада мои,
А я — ваш Отец.
Вовеки суждено вам
Воздевать в мольбах руки к небу,
А я всех вас спасу⁵.

Интересно, что в буддийском тантризме даже возникает понятие Адибудды, который представляется как предвечный и изначальный Будда. Адибудда здесь — это персонификация единого просветленного сознания, своеобразный буддийский абсолют, напоминающий Брахмана. При этом он охватывает собой как нирвану, так и сансару, т.е. все бытие. Концепция Адибудды как изначально сущего отца всех будд, развиваемая в текстах ваджраяны, позволяет говорить о наличии в буддизме определенного рода теизма, хотя и отличного от христианского⁶. Кроме того, «признавая безначальность бытия (сансары), некоторые тантристы считают, что его насущные формы и содержание имеют свое начало, или истоки, в безначальной, но не имеющей характера абсолютности времени, а также в пространстве...»⁷

Вообще, согласно С. Радхакришнану, буддизм, даже в ранней форме, теистичен. Существование Брахмана или Абсолюта никогда не отвергалось Буддой. «Многие ученые, изучавшие ранний буддизм, — отмечает он, — считают, что Будда отверг бога и отказался от души и что его учение более определенно атеистично, чем представляем его здесь мы. Однако мы должны иметь в виду, что этот отрицательный взгляд фактически не был изложен самим Буддой, а есть истолкование его умолчания по вопросам о первичной реальности, данное его ранними последователями»⁸.

Интересно также, что Будда в махаяне и ваджраяне, как и христианский Бог, имеет три ипостаси: Дхармакаю, Самбхогакаю и Нирманакаю. Дхармака — высшее космическое тело Будды, или тело Истины, схожее с Богом-Отцом в христианстве. Самбхогакая, или тело Блаженства, которое могут видеть только святые, напоминает, на наш взгляд, Святой Дух. И, наконец, учение о теле Нирманакая, которое представляет собой воплощение Будды на земле, во многом схоже с идеей Богочеловека — Христа.

Кроме того, как в буддизме, так и в христианстве, нет жесткой границы между человеком и абсолютом (божественным). Так, например,

адепт махаяны стремится достичь состояния будды на благо всех живых существ. Схожую цель – уподобление Христу ставят перед собой и христиане. Известна цитата св. Ириния Лионского о том, что «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

Говоря о буддийской мистической практике, необходимо отметить, что она во многом близка православному исихазму. Так, например, путь к спасению (просветлению) в буддийской и православной мистике лежит через очищение сознания (сердца) и познание абсолютной природы самого себя. В обеих религиозно-мистических системах от адепта требуются знание духовных и психофизических законов, терпение и смирение перед духовным наставником. Подчеркивается важность последовательности и постепенности в созерцании, указывается, что духовная практика не терпит крайностей.

Буддийское повторение имени будды Амитабхи или мантр, которые как бы выражают сущность того или иного будды, очень напоминает Иисусову молитву, практикуемую в исихазме. В буддизме мантру используют прежде всего для защиты ума от страстей, духовной реализации и трансформации (преобразования) сознания. Особенно популярно чтение мантр в тантрическом буддизме, где они считаются необходимыми для порождения в себе качеств божества. В исихазме, как отмечает О.С. Климков, «в силу непрерывного внедрения в душу Имени Божия, образ Христа проникает в подсознание и расцветает в сознании. Совершается преобразование души, начиная с ее скрытых глубин, преобразование, имеющее своим пределом полное “обожение”»⁹.

Еще одним важным общим моментом буддийской и православной мистики является практика созерцания трансцендентного (божественного) света. Согласно тантре, Ясным Светом называется самый наитончайший и фундаментальный уровень сознания. Говорится, что все феномены нужно воспринимать как игру этого света. Практики тантры позволяют достичь высоких духовных реализаций, поскольку они многократно усиливают эффект созерцания. В исихазме также подчеркивается важность созерцания божественного света, в явлении которого «Бог открывается миру в образе нетленной и невещественной красоты, бледным отблеском которой является наш земной свет и тварная красота мира созданного... “Неприступным Светом, непостижимым изливанием Божественного сияния” называет Фаворский свет Собор 1352 года»¹⁰.

Таким образом, вовлечение в компаративистские исследования материалов махаяны, и особенно ваджраяны, позволяет по-новому взглянуть на устоявшиеся стереотипы сравнительного религиоведения и увидеть значительно большую близость идей буддизма христианскому мировоззрению. Известно также, что христианские и буддийские заповеди совпадают едва ли не дословно. Так, например, основные заповеди Будды, связанные с недопустимостью убийства,

воровства, прелюбодеяния, воздержанием от пьянства, лжи, злословия, пустословия, ненависти близки и христианам. Святость во всех мировых религиях действительно достигается лишь тогда, когда человек полностью побеждает мирские страсти, свое плотское начало, когда он по своей внутренней сути становится кротким, милостивым, чистым сердцем, ищущим правды и мира среди людей¹¹.

Его Святейшество Далай-лама XIV в связи с этим отмечает следующее: «Основная цель человека, преданно верующего в Бога, — это исполнение Его воли, суть которой заключается в заботе, уважении, любви и служении Ему ради наших человеческих сестер и братьев. Поскольку основная цель других религий сходна с этой и заключается в утверждении подобных благих чувств и поступков, я глубоко убежден в том, что с этой точки зрения главная цель различных философских толкований также одина»¹². Следует также отметить, что Далай-лама активно участвует в буддийско-христианском диалоге, демонстрируя огромное уважение к христианскому учению. В 2006 г. в России была издана книга, посвященная беседам Далай-ламы с представителями христианских конфессий. По их просьбе лидер тибетского буддизма прокомментировал самые важные для любого христианина тексты — канонические Евангелия, показав, насколько глубоко учение Христа¹³.

Близость некоторых идей буддизма и христианства делает возможными предположения о генетическом родстве данных религий. Особенно популярной в свое время была гипотеза об индийском происхождении христианской религии, развивавшаяся рядом теософских мыслителей. Однако эта теория построена в основном на априорных посылах, от которых ей пока не удастся перейти в область культурно-исторической реальности. Поэтому, на наш взгляд, правильнее будет говорить не о «генетическом» родстве буддизма и христианства, а о культурных параллелях и изначальном единстве духовного опыта человечества, о единстве высшей истины.

При всех совпадениях в учениях мировых религий между ними есть и существенные различия. Основные мировые религии — христианство, ислам и буддизм — являются самодостаточными и целостными религиозными системами. Они твердо утверждены своим древним традициям, и появление единой общемировой религии на основе радикального синтеза нескольких религиозных доктрин, по крайней мере, в ближайшее время, вряд ли возможно. Примером сложности объединения мировых религий в одну является история таких относительно новых синкретических учений, как бахаизм, мунизм, теософия, антропософия, которые так и не смогли получить широкого распространения в мире. Поэтому речь здесь может идти не об интеграции как «всесмешении» культур и религий, а о сближении, сотрудничестве, взаимообогащении этнических и

культурно-религиозных общностей в рамках единой российской евразийской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Ерасов Б.С.* Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. 2001. № 5. С. 72.

² *Нил (Исакович), архиеп.* Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. – СПб., 1858. С. 276.

³ См.: Русский квартал Пекина. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40662.htm>

⁴ *Зосима, епископ Элистинский и Калмыцкий.* В нем очень много от православных подвижников // Новые известия. 2004. № 223. С. 7.

⁵ Цит. по: *Кандалинцев В.* Параллели христианства и буддизма // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 175.

⁶ См.: *Нестеркин С.П.* Буддизм и российская ментальность (проблема соотношения) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. II. – Улан-Удэ, 2002. С. 249.

⁷ *Пунышев Н.* О природе Сансары: психологический экскурс // Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока. – Новосибирск, 1990. С. 78.

⁸ *Радхакришнан С.* Индийская философия. Т. 1. – М., 1955. С. 407.

⁹ *Климков О.С.* Философско-психологический очерк византийского исихазма // Путь Востока. Проблема методов. Материалы IV Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium». Вып. 10. – СПб., 2001. С. 108.

¹⁰ Там же. С. 112.

¹¹ См.: *Кандалинцев В.* Параллели христианства и буддизма. С. 171 – 172.

¹² *Далай-лама XIV.* Политика доброты. – М., 1996. С. 53.

¹³ См.: *Далай-лама XIV.* Благое сердце. Беседы с Далай-ламой об учении Иисуса. – М., 2006. – URL: http://geshe.ru/books/HNDLXIV/Blagoe_serdcce.pdf

Аннотация

Статья посвящена проблеме взаимодействия буддийской и православной культур в цивилизационном пространстве России. Автор отмечает, что внутри него буддизм и православие проявляли комплиментарность и толерантность.

Ключевые слова: буддизм, православие, евразийство, Россия, традиции, комплиментарность, диалог, калмыки, буряты.

Summary

The article deals with the interaction between the Orthodox and Buddhist cultures in the cultural space of Russia. The author notes that the relations between the Buddhist and Orthodox denominations are characterized by complementarity and tolerance.

Keywords: Buddhism, Orthodoxy, Eurasianism, Russia, traditions, complementarity, dialogue, Kalmyk, Buryat.